

Лариса Алексеева
«Воскреси — свое дожить хочу!»

Решение родилось мгновенно: выставка должна быть виртуальной — «20 лет работы Маяковского».

Идея давняя: мечтаемая, ожидаемая, а потом отложенная в долгий ящик, как почти не имеющая шансов. Все мои планы относительно виртуальной реконструкции легендарной выставки поэта, что называется, «зависали».

Только это самое «почти» оставалось занозой, которая мешала забыть о них окончательно.

Для меня Маяковский — объективная реальность, данная в ощущениях, т. е. в личных вещах, рисунках, окнах РОСТА, плакатах и других изобразительных материалах, которых хра-

ню в Государственном Литературном музее. Все эти вещи не только обладают памятью о поэте, энергетически заряжены, беспокойны, требуют к себе внимания. Это можно было бы считать мистикой или следствием многолетней музейной практики, но я почти физически ощущала, как обреченный на вечное хранение Маяковский буквально рвется с музейных полок в публичное пространство.

Поэтому в феврале этого года с появлением в музее нового директора Д. П. Бака, написала ему о выставке — о ее возможном и необходимом виртуальном будущем, не предполагая однако, что перемены начнутся так скоро.

Через месяц случился «Октябрь». Предложение главного редактора журнала И. Н. Барметовой о выставке к 120-летию Маяковского для международного литературного фестиваля в Одессе.

Иногда, чтобы осуществиться, даже очень хорошей идее нужны поддерживающие силы, которые обнаруживаются неожиданно, вдруг. Возникает то самое совпадение необходимых «пяти элементов», когда начинает двигаться то, что казалось неподвижным, замершим. После первого же предварительного разговора с Ириной Николаевной поняла: на этот раз все получится.

Казалось, будто сам Маяковский в канун своего юбилея в очередной раз занялся идеей собственного воскрешения, подбирая для этого подходящие обстоятельства времени и места, соединяя и связывая людей сцеплением взаимных усилий и устремлений.

Точкой схода он выбрал Одессу.

Праздничное слово «фестиваль» ей очень подходит. Почти также, как женщине — редкое украшение. И то, что фестиваль литературный, конечно же, не менее существенно (а лучше — «драгоценно»). Одесса, подарившая отечественной словесности чуть шальное, но очень хорошее, солнечное настроение, литературоцентрична, живет словом. И любой одессит дорогу в Литературный музей, что на Ланжероновской улице, указывает без труда.

Здесь и начинался праздник, выплеснувшись из Золотого зала дворца Гагарина в его «зеленый» зал — сад скульптур: день музеев перешел в музейную ночь, отданную стихам и поэтам. «Послушайте!» — сильный, хотя и затертый, ступеванный «шумом времени» голос с восковой дорожки грамофонного валика будто окликнул всех издали — то ли из прошлого, то ли из будущего...

Когда-то поиски этого голоса спасли от провала в Лету всю «звучащую» литературу двадцатых годов. Ставшие ненужными уникальные записи авторского чтения, сделанные С. И. Бернштейном в лаборатории живого слова, вывез в 1938 году из Ленинграда В. Д. Дувакин, член Бригады Маяковского, существовавшей при Государственном Литературном музее (ГЛМ) в Москве. Бригада возникла спонтанно на выставке «20 лет работы Маяковского», которую устроил сам поэт в феврале 1930 года. Его друзьям и соратникам затея с выставкой показалась пафосной, зато увлеченные поэтом молодые люди — студенты, рабфаковцы, учащиеся — горячо ее приняли и потом, после смерти Маяковского, бескорыстно и преданно служили своему кумиру, выступая с чтением его стихов, собирая материалы о нем, устраивая выставки. «Неформалы», т. е. настаивающие на собственном отношении к поэту, интуитивно извлекая из него лирику, глубину, приходя вместе с ним к пониманию, что такое трагедия.

На фестивале о таком особенном отношении к поэту со стороны его младших современников вспоминали словами одессита Льва Славина: «Авторитетов не было, но был бог: Маяковский».

Что же сегодня? «Бог умер»?

С этим было бы трудно смириться. Как и вернуться к прежнему накалу чувств той поры, когда Маяковский при всей своей знаменитости был фигурой спорной и далеко не самой удобной с точки зрения официального признания. Тогда для многих быть на его стороне означало бороться против глупости и фальши, слушать новое, поднимаясь *по лесенке* поэтических строчек к светлому завтра.

Где оно нынче?

Но в дни фестиваля, вживую слушая поэтов, читавших стихи на русском, украинском, грузинском языках, упование на божественный промысел не оставляло: ведь если все еще существует стихо-творение, «значит — это кому-нибудь нужно»? Образ входит в образ, звучит неумолчной цикадой-рифмой, и Маяковский (права Цветаева!) космически остается в этом исчезающем дыхании поэзии, как бы ни прихотлив был тянущимся сквозь время ее путь.

Поэт-мост, как о нем точно сказано. Связывая берега-времена-пространства, остается сам по себе — над.

Но вернемся к замыслу музейного проекта.

С Одесским литературным музеем ГЛМ связывают давние добрые отношения. Общаемся с коллегами, не раз привозили свои выставки, участвовали в фестивале 2011 года, посвященном И. Бабелю. 120-летие Маяковского, озаглавившее нынешний фестиваль, вновь объединило оба музея в желании представить публике что-то особенное. На память неизбежно приходило футуристическое турне четырнадцатого года, когда двадцатилетний поэт впервые приехал в Одессу и — влюбился. В Марию. Как не отразить «одесский след» знаменитой поэмы «Облако в штанах», тем более, что в ГЛМ портреты Марии Денисовой, одновременно выполненные Маяковским, Каменским и Бурлюком, сохранились!

Говоря «музей», подразумеваем выставку. Любой выставочный проект актуален, если он хорошо придуман и оригинально исполнен. Такого и хотелось для Маяковского. Традиционная выставка на подлинных материалах не подходила — слишком дорого и хлопотно перевозить музейные ценности через границы и обеспечивать условия их экспонирования. Передвижка на муляжах и копиях вряд ли могла пользоваться успехом — архаична по форме и столь же трудоемка по условиям перемещения.

Выход был единственный, тот самый, о котором мечталось. «Почти» сработало.

Отношение поэта к музеям и памятникам известно: не слишком жаловал, но свою самостоятельно сделанную выставку «20 лет работы» передал в музей, будто верил в то, что он

может быть не просто культурной резервацией, а творческой лабораторией, деятельным и живым пространством, сценой и площадкой для воскрешения.

В дальнейшей выставочной истории Маяковского много драматического, личностного, вмешанного в большую историю. Мне доводилось об этом писать, в том числе и на страницах журнала «Октябрь» двадцать лет назад (о магия цифр!) — о выставке 1940 года, так и не открытой к 10-летию со дня смерти поэта. Многих усилий стоило Константину Симонову отстаивать в 1973 году авторскую выставку Маяковского, которую восстановили в тех же залах московского Дома писателей, где когда-то ее сделал сам поэт. Потом ГЛМ провез реконструированную выставку по многим странам — в последний раз мне довелось ее устраивать в 1987 году в Гаване, а И. Н. Барметова вспомнила, как в 75-м видела ее в Париже. Последнее обстоятельство показалось хорошей «рифмой» и добрым знаком — Ирину Николаевну не пришлось долго убеждать в том, что для фестиваля лучше всего подойдет новая — электронная — версия авторской выставки Маяковского. В нее можно будет включить историю с «Облаком» и некоторые другие материалы, что ничуть не противоречит замыслу поэта. Он хотел, чтобы его выставка — «обращение к товарищам потомкам» — пополнялась, а главное, была доступна. Так у проекта появилось название: «Маяковский навсегда». Проект «зажигания звезд», когда это не одному нужно. Проект совпадений и встреч.

Дороги очень многие, но отдельно скажу о совпадении с человеком, который взял на себя всю техническую сторону видеопрокта и без которого он, собственно, и не мог бы состояться. Это моя коллега и соавтор Екатерина Жукова, знаток компьютерной техники и программ, способных не только перетащить музейные реалии на экран, но и «поиграть» с ними, заставляя виртуальные образы двигаться, сочетаться со звуком, т. е. быть чуть похожим на кино, но все же оставаться в границах музейной выставки. Но дело не только в программах.

Для нас обеих это была абсолютно новая работа в несуществующем жанре. Я бы определила его как экранная выставка, поскольку информация в ней подается в аудиовизуальном и динамичном виде. И то, что спровоцировал ее своим юбилеем именно Маяковский, кажется вполне закономерным — новизна была у него, по словам Пастернака, «климатически в крови». Совпадение с Катей было тем и замечательно, что мы обе увлеклись задачей, которую хотели решить на максимально возможном для себя пределе, без скидок «на первый блин», но с замахом на «красную дорожку», коли уж речь шла о фестивале.

В результате двухмесячной работы в условиях взаимного перфекционизма, мы получили видеовыставку, построенную по принципу «три в одном». Ее главная часть — видеодайджест легендарной выставки «20 лет работы Маяковского», хранящейся в Государственном Литературном музее. Уникальность выставки не требует особого подтверждения: другого такого примера авторского обращения с собственной творческой биографией просто не существует. Самоинтерпретация, яркий монолог на выставочной сцене, наконец, последнее оригинальное произведение Маяковского! Хотя бы только поэтому оно должно находиться в открытом пространстве публичного обращения, чтобы быть «прочитанным», понятным. Это и было главной задачей нашего проекта.

Не менее важно было сказать и о необычной судьбе этой выставки, напомнив о реконструкции 1973 года, которая «воскресила» Маяковского для поколения шестидесятников. Ее «текст» был несколько другим, работал на иную внешнюю ситуацию, обозначить которую можно как «Маяковский против Маяковского»: живой поэт против идеологического мифа о себе. Включенные в видеопроект фрагменты аудиозаписей с голосами К. Симонова, В. Шкловского, А. Вознесенского, сделанные на вернисаже и закрытии выставки, высвечивали это очень хорошо. Любопытно и то, как через много лет в Доме на Поварской на выставке Маяковского встретились два поколения: помудревшие сверстники и те, кто с молодым восторгом читали стихи у его памятника. Не удержусь от вольного цити-

рования: «Проворонили», — сокрушался Виктор Шкловский, поэты не имеют права на забвение. Мы обращаемся с ними, как будто бы это бронированные катки, а это цветы. «Вы — мост между прошедшим и грядущим. Мы пришли бы на вашу выставку», — горячо уверял Андрей Вознесенский.

Наконец, нынешний виртуальный вариант нам также хотелось сделать и актуальным, и современным. Это была наиболее трудная часть работы. Обычные выставки мы смотрим сосредоточенно и молча, двигаясь вдоль статичных экспонатов. В данном случае наоборот: движутся виртуальные экспонаты. Но последовательно-монотонная смена кадров не подходила. Не устраивала ни нас, ни, как казалась, Маяковского. У экранной выставки должен был быть свой ритм, своя динамика и новый образ, обращенный к веку нынешнему, выведшему поэзию за пределы книжных переплетов.

И здесь выручила Сеть: оказалось, что Маяковского поют, да еще как! Поэтому, стараясь не нарушить авторских прав, мы включили в наш проект фрагменты композиций белорусского музыканта Змитера Войтюшкевича, талантливо исполняющего «Бруклинский мост» и «Разговор с фининспектором о поэзии»; санитарные плакаты замечательно спела группа «Абвиотура» — спасибо и им. Закадровое разнообразие звуков, смайлики и аватарки добавили остроты и колкости, смягчив классическую серьезность музейной выставки. Думаю, что Маяковскому это пришлось бы по вкусу, поскольку серьезности, «заакадемичности» он предпочитал самоиронию и шутку. И еще: было в этом что-то бригадническое, неформальное и живое.

Но выставка — это пространство, внутри которого находишься, и которое не отпускает, не дает отвлечься. Вещь «смотрит» тебе в спину, даже если ты стоишь перед другой. Можно только догадываться, какой концентрации достигала выставочная сила авторской выставки, если ее герой почти каждый день присутствовал на ней в качестве живого экспоната, разговаривая, отвечая на вопросы, читая стихи.

А тут — экран. Его искусственная визуальная глубина, какой бы сложности ни был проект, не может достичь эффекта

естественной. Здесь пространство, помимо наших ухищрений, обеспечивал звучащий текст и он же его удерживал. Голос за кадром должен был быть раскованным, свободным, исходить изнутри выставки, и конечно, мужским, совпадающим. И мы считаем большой удачей, что именно такой голос — Д. П. Бака — стал еще одним участником этой рискованной виртуальной затеи.

Премьера видеовыставки в Одессе прошла удачно. Хочется верить, что у нее есть будущее. Во всяком случае, на сайте Государственного Литературного музея «Маяковский навсегда» нашла свое место¹.

«Очень оригинальное ощущение. Головой провентил облака и тучи. Земли не видно. Не видишь даже собственные плечи. Только небо. Только облака. Да в облаках моя голова».

И напоследок к финальным словам Маяковского и всему вышесказанному (или взамен его) решусь присоединить недлинный «хвост», симитировав «лесенку» любимого автора.

Фестивальное

Май стоял.

Подкатывалось лето.

Едем в Одессу, —

«Октябрь» позвал!

Будем говорить

про то и про это —

Парнис,

Волгин,

и другой профессионал.

На афише лицо

и надпись броская:

«120-летие

Маяковского».

Шелковый путь

Барметовой

выстрочен

¹ <http://goslitmuz.ru/ru/mayakovsky-forever>

Оборину Льву,
Родионову в красном —
раскинул ручки,
гудит, набыченный:
«А Гертруда в своём изумрудном
прекрасна!»

В музейном саду
поэтов немерено.
Прозаики
величавы и статуевы.
А я в ладони
держу неуверенно
Маяковского
в цифру запрятанного.

На флэшке.
Кому он?
Неужели нужен
на мертвом экране —
стоило браться ли?

Он сам
свою выставку
сделал в тридцатом.

А нынче —
две тыщи тринадцатый!
Удержать
на музейной цепи его —
бред.

Бей, барабан, бей!
В облакахловища —
меж звездных сетей
поэта
теряется след....

